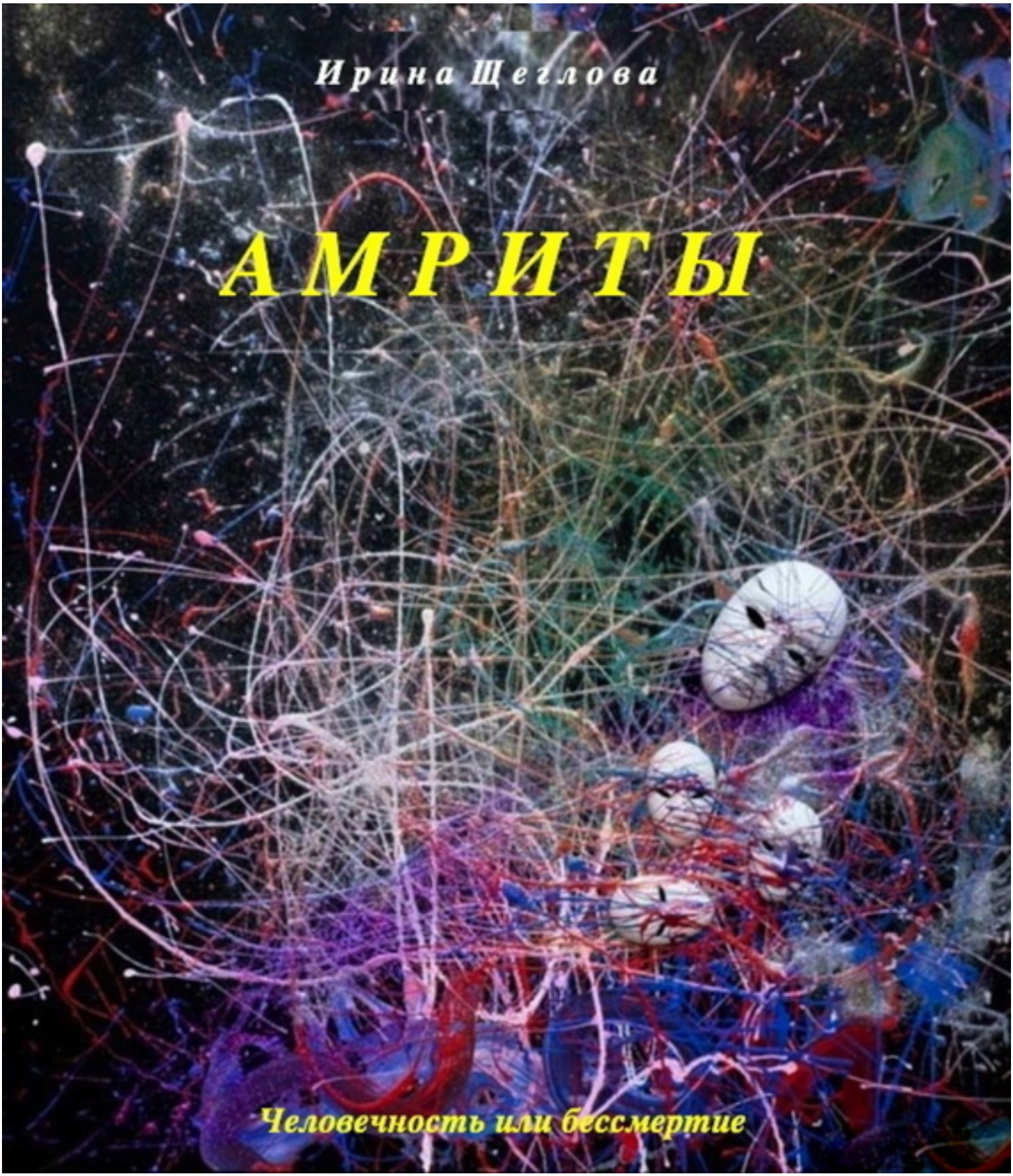
Ирина Щеглова
АМРИТЫ
Человечность или бессмертие

Ирина Щеглова

Амриты

«Щеглова И.В.»
2014

Щеглова И. В.

Амриты / И. В. Щеглова — «Щеглова И.В.», 2014

Бессмертие отягощенное всемогуществом – наказание или благо! На что готов пойти человек ради бессмертия? А если оно досталось по праву рождения? Если ты родилась уже отмеченной и должна сделать выбор между собственной семьей, любимым, друзьями и бесконечностью, поджидающей тебя. Твой выбор: человечество, или 99 амритов, некогда нарушивших Великий Закон?

© Щеглова И. В., 2014
© Щеглова И.В., 2014

Содержание

Пролог 6
Процессия с ящиком 8
Обычная школьница 17
На следующий день. Школа. 20
Путешествие в никуда 23
История амритов 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Ирина Щеглова
Амриты

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Человек уверенно шагал вверх по горной тропинке. Не смотря на крутизну склона, человек даже не запыхался. Если бы кто-нибудь мог увидеть его, то, наверное, подумал бы: спортсмен, тренируется… нет, скорее, турист… от группы отбился? Да, выглядел человек именно, как бывалый турист. Молодой, лет двадцати, двадцати пяти, высокий, сильный, длинноногий, в подходящей одежде и удобной обуви, длинные черные волосы забраны в хвост на затылке. Правда, за плечами вместо привычного, тяжеленного, болтался тощий рюкзак. То есть, явно человек выбрался в горы просто погулять, вот только, больно далеко он забрался…

Но никто человека не видел, да и не мог увидеть. Потому что до ближайшего поселения был не один десяток километров. Так что, некому было задаваться вопросом: кто он такой и откуда.

Между тем, человек добрался до пересохшего речного русла и, прыгая с камня на камень, пересек его.

Он остановился и поднял голову.

Перед ним почти вертикально вверх, вздымался каменистый склон. Человек присмотрелся. Он что-то заметил. Кивнул удовлетворенно и начал карабкаться по скале.

На верху его ждали двое: мужчина и женщина.

Он добрался до плоского уступа. И мужчина, наклонившись, подал ему руку.

Человек, ухватившись за нее, без труда выбрался на площадку.

– Вы уже здесь, – сказал он, разглядывая мужчину и женщину, – мне следовало догадаться.

Эти двое представляли собой довольно странную пару. Русоволосый гигант и смуглая изящная, невысокая девушка с иссиня черными волосами. На гиганте кроме коротких полотняных штанов и свободной рубахи ничего не было. На девушке была надета белая короткая туника и легкие кожаные сандалии со сложным переплетением ремешков.

Уловив недовольство в голосе пришедшего, гигант слегка нахмурился, девушка лишь безмятежно пожала плечами:

– И тебе легких дорог, Габриель, – почти пропела она.

– Благодарю, Амита, – словно нехотя ответил тот, кого она назвала Габриелем. – Давно вы здесь?

– С самого утра, – отозвался гигант.

– И? – Мгновенно напрягся Габриель.

– Он ушел, – просто ответил гигант.

– Ты уверен, Думуз? – прищурился Габриель.

– Я был там. – Гигант махнул рукой в сторону зарослей на склоне, тропинка, начинавшаяся прямо от обрыва, скрывалась в этих зарослях.

– Возможно, он отлучился… – предположил Габриель, глядя мимо Думуза; казалось, он обшаривает глазами густой кустарник и тропинку.

– Исключено. – Покачал головой Думуз.

– Значит, все-таки, ушел? – Переспросил Габриель.

– Я уверен.

– Кто-нибудь еще знает?

– Я. – Нарушила свое молчание девушка.

– Это понятно! – Габриель явно нервничал, – Кто-нибудь еще?

– Думаю – да, – девушка была все так же безмятежна, – уход все чувствуют.

– Чувствовать не значит знать, – заметил Габриель.

– Так, проверь, – предложил Думуз.

– Что!? – почти крикнул Габриель, но сразу же осекся и взял себя в руки.

Думуз и девушка переглянулись.

– Габриель, – мягко позвала Амита, – Думуз хотел сказать, что путь открыт.

Габриель все еще хмурясь, взглянул на нее, кивнул и, развернувшись, шагнул прямо за край обрыва.

Гигант и девушка не пошевелились.

За краем обрыва клубился густой туман.

Процессия с ящиком

(пять лет спустя)

– Бабушка, бабушка! Смотри! Что это там!

Настя прильнула лицом к оконному стеклу, во все глаза уставившись на странную процессию: сначала мимо дома медленно проехал грузовик с длинным красным ящиком, в котором, Настя ясно разглядела лежащего человека. Ящик и сам грузовик утопали в цветах, за грузовиком шагал оркестр, оглашая улицу заунывными трубными звуками и звоном блестящих золотых тарелок. За оркестром тянулась вереница людей. Почти все они были одеты в черное, шли с опущенными головами, поддерживая друг друга под руки. Некоторые женщины плакали.

– Бабушка! Это что? Праздник какой-то? – нетерпеливо перепрашивала Настя, не отрываясь от окна.

Бабушка вздохнула:

– Какой же праздник, нет, не праздник… ты бы отошла от окна…

– Почему?

– Не надо смотреть, – неопределенно ответила бабушка.

– А что у них в ящике? Там человек?

– Человек… тело, – поправилась бабушка.

– А что с ним? Почему он в ящике?

Бабушка быстро подошла и потянула Настю от окна.

– Не смотри, это плохая примета.

– Какая примета? – не унималась Настя, – куда они едут? Почему музыка? Ну, бабушка!

– О, Господи! – не выдержала бабушка, – да похороны это, хоронят кого-то.

– Что делают? – не поняла Настя.

Бабушке удалось оттащить ее от окна. Но Настя требовала объяснений. Звуки заунывной музыки постепенно затихали. Бабушка прислушалась, покачала головой и мягко казала:

– Умер человек, Царствие Небесное! – И перекрестилась. Настя вытаращила глаза:

– Умер? Это как? Что это значит?

– Значит, что он больше не живет. – Бабушка старательно подбирала слова. – Помнишь, мы ездили на похороны твоей прабабушки? Дедушкиной мамы?

Настя задумалась. Честно говоря, помнилось плохо. Её привезли куда-то, в другой город, там был дом с высоким забором, узкий двор, в котором было некуда деться, только ходить туда-сюда. А в доме были чем-то озабоченные взрослые и такой же длинный ящик, в ящике кто-то лежал, Настя тогда так и не поняла, кто. Она еще не знала тогда, что впервые в своей жизни столкнулась со смертью.

– Нет, не помню, – она отрицательно тряхнула головой. – Зачем человека кладут в ящик?

И бабушка стала рассказывать о смерти. Она старалась рассказывать не страшно. Но все, что услышала Настя, весь смысл рассказанного заключался в длинном ящике – это гроб, в который кладут неподвижного человека. Человек ничего не чувствует, не видит, не слышит, и даже дышать не может. И вот такого человека, точнее, его тело, закапывали в землю и оставляли там навсегда. Настя испугалась. Каково это, очутиться в наглухо заколоченном ящике под землей? Оттуда же невозможно выбраться! Даже если кричать, никто не услышит!

– Человека нельзя в ящик! – воскликнула она.

Бабушка вздохнула:

– Так положено, деточка. Мертвое тело надо зарыть в землю.

– Кем положено? Почему положено!? – волновалась Настя, – Ба, а почему этот человек умер? Он сильно болели? Его, что, нельзя оживить?

– Может быть и болел, а может, просто, пожил-пожил, состарился и умер, все умирают, – сказала бабушка.

– Что?! – ужаснулась Настя, – как это все?! – она вцепилась в бабушкину юбку, и, подняв голову, посмотрела ей в лицо, такое доброе, любимое бабушкино лицо, – ты же не умрешь? – допытывалась она.

Бабушка погладила ее по голове.

– Все когда-нибудь умирают.

– Нет! Это не правда! – закричала Настя. Она замахала руками, заплакала навзрыд и уткнулась в бабушкин живот. – Ты не умрешь! – рыдала она, – я тебе не разрешаю! И никто не умрет! Я вообще никогда не умру!

– Хорошо-хорошо, – пыталась успокоить ее бабушка, – мы не будем умирать.

Настя крепко обхватила ее руками и зажурилась:

– Умирать нельзя, это неправильно!

И еще несколько дней она твердила всем вокруг, что никто из них не смеет умирать. И ей все обещали. Смеялись даже, как будто в смерти есть что-то смешное.

А дед даже купил ей книжку-сказку. В сказке маленький царевич все время плакал, и его отец пообещал ему, что когда тот вырастет, он подарит ему молодость без старости и жизнь без смерти. Царевич успокоился. Но когда он вырос и потребовал у отца обещанного, царь не знал, что ответить, не было у него молодости без старости и жизни без смерти. «Я пошутил» – признался он. «Ты был мал, часто плакал, и я придумал для тебя сказку». Царевич не смирился, и отправился искать источник вечной молодости. После многолетних поисков он нашел то, что искал. Вернулся домой и едва успел спасти от смерти своих одряхлевших родителей.

Сказка Насте очень понравилась. Она давала надежду.

Став старше, Настя убедилась в том, что люди действительно смертны. И она страшно боялась потерять родителей, бабушку, деда, родных. Она следила за ними, чтоб успеть предупредить признаки, приход смерти. И ей везло. Никто не умирал среди близких. И тогда Настя решила для себя, что уж в ее-то семье никто не умрет. Потому что ученые скоро изобретут лекарство против смерти. А если не изобретут, то его откроет сама Настя.

Три года спустя (Подтверждение)

– Бабушка, я не хочу!

Бабушка, не отпуская Настину руку, тянула ее за собой и ласково уговаривала:

– Надо, Настенька. Ничего страшного, доктор просто проверит твои глазки.

Настя изо всех сил упиралась. Бабушка вынуждена была то и дело останавливаться:

– Ну, пожалуйста, деточка! – просила она, – идем скорее, у нас же время назначено.

– Ну и пусть! – не сдавалась Настя, – а я не хочу!

– Настя, ну сама подумай, – умоляла бабушка, – это же не я так решила, а врачи. Что мама скажет, если мы с тобой не попадем на прием? Ведь мне влетит от нее.

– Ей надо, пускай и проверяется, а я не хочу! – Настя сделала вид, что готова заплакать. Она начала всхлипывать, морщить нос и кривить губы, – Вы все меня мучаете! – воскликнула она.

– Что ты, деточка, что ты! – бабушка испуганно огляделась по сторонам. Вдруг, кто-нибудь услышит! Что люди подумают?

Но улица была пустынна в этот послеполуденный час.

Бабушка воодушевилась:

– Мы почти пришли, – сообщила она, – смотри, какой красивый дом!

Настя дернула плечом, но сама незаметно покосилась в сторону невысокого особняка, с прятавшегося в глубине двора за густыми деревьями. Бабушка остановилась у чугунных, в завитушках ворот и облегченно вздохнула:

– Ну вот, мы и пришли.

Настя, упрямо наклонив голову, ковыряла носком сандалии потрескавшийся асфальт.

– Идем, Настенька, – шепнула бабушка, – а то неудобно, увидит кто-нибудь, как ты капризничает и подумает, что ты плохая девочка.

– Я не плохая!

– Конечно, ты очень хорошая, – согласилась бабушка. – Идем!

Настя угрюмо посмотрела на ворота, на особняк в глубине двора, и поняла, что идти все равно придется. Можно, конечно, устроить скандал. Но тогда вокруг соберутся взрослые, набегут врачи, все станут уговаривать ее, и все равно заставят войти в особняк.

Врачей Настя терпеть не могла. Они только притворяются добрыми, а на самом деле, стоит только отвернуться, поверить и расслабиться, как появляется шприц, или такое металлическое перышко, которым колют палец, чтоб взять кровь. А еще доктора имеют обыкновение больно мять пальцами твой живот, заставляют открывать рот, а сами лезут туда с ложкой. Вообще они ведут себя бесцеремонно, хотя Настя никому из них никогда не разрешала так себя вести. Это все мама. Ее выдумки. Это она, почему-то считает, что Настя больна. Это она называет Настю «недоношенным ребенком». И всякий раз, при посещении врачей, Настя слышит и видит одно и то же. Мама рассказывает о «недоношенном ребенке», врачи важно кивают и озабоченно посматривают на Настю. Потом начинается ставшая привычной, пытка. И главное: всякий раз, по завершении осмотра и сдачи анализов, эти самые врачи разводят руками. Они говорят маме, что Настя здорова. Но мама не унимается.

А все почему: у Насти иногда болит голова. И, хотя, Настя в последнее время никому не признается в этом. Но мама-то знает! И еще маме кажется, что Настя плохо видит и слышит. Вот уж неправда! Отлично она слышит и видит. Получше многих. Просто, иногда, когда она очень занята, а мама зовет, Настя не откликается. Но ведь это не потому, что она не слышит, а потому, что ей некогда. Но как это объяснить маме? Однажды, Насте было лет пять, наверное, она заигралась в дедовом саду. Забралась в кусты смородины, и нашла там, на земле цветное стеклышко. Настя протерла его пальцем, а потом поднесла к глазам и посмотрела сквозь него. Мир изменился, стало так красиво! Как будто вокруг сказочный лес, такой зеленый, совсем не похожий на запущенный дедов сад. Насте так понравилось в лесу, что она, забыв обо всем, решила остаться и поиграть в нем. Потом она вернулась домой, конечно. А там на нее набросились заплаканная мама и испуганная бабушка. «Где ты была! Мы уже в милицию звонили!». Настя уставилась на них, ничего не понимая. Она указала на сад, на кусты смородины. Но ей не поверили. Мама заявила, что она до хрипоты звала Настю и прочесала сад и палисадник. Настя отвела маму в кусты и в доказательство своего присутствия, показала припрятанное стеклышко. Вместо того чтоб успокоиться, мама испугалась еще сильнее. «Выходит, ты тут сидела и не слышала, как я тебя зову?» – спросила она. Настя пожала плечами. С тех пор, за Настей закрепилось еще одно прозвище «странный ребенок». А мама с удвоенной силой бросилась по врачам.

И некому защитить Настю. Все против нее. Даже бабушка! Они сговорились!

Бабушка склонившись, быстро поправила Настины волосы, кофточку, юбку и шепнула:

– Будь умницей!

Нет, бабушка, конечно, добрая, она любит Настю. Но бабушку тоже заставили. Обманули и заставили.

Что ж, ладно! Настя решилась:

– Только глаза! – заявила она. – Больше ничего! А если кто-нибудь попробует меня лечить, я не дамся! Так и знай!

– Деточка, я же не буду тебя обманывать! – подхватила бабушка, – вот, читай, это областная детская глазная клиника. Вот же, написано на табличке.

Настя подняла глаза и прочитала надпись. Она немного успокоилась. Позволила бабушке ввести себя в прохладный пустой вестибюль.

Пока Настя рассматривала ромбики двуцветной плитки у себя под ногами. Бабушка спросила о чем-то у женщины за стойкой. Женщина шелестела бумагами:

– Вход со двора, – ответила она бабушке.

– Спасибо…

Бабушка снова взяла Настю за руку. Они вышли на улицу, обогнули угол здания.

– Наверное, здесь, – предположила бабушка, остановившись у двери, обитой черной кожей. Она открыла дверь, и Настя спустилась следом за бабушкой по ступенькам: одна, две, три…

Она увидела короткий коридор, две кушетки вдоль стены. И еще одна закрытая дверь. На одной из кушеток сидели мальчик и пожилая женщина. Тоже, наверное, бабушка.

Настина бабушка поздоровалась, бабушка мальчика тоже. Мальчик с любопытством посмотрел на Настю. Настя сделала вид, что ей совершенно наплевать на него. Она с гордым видом уселась на кушетку и принялась ждать. Больше делать-то нечего. Не будешь же скандалить с бабушкой при посторонних.

Сидеть просто так скучно. Бабушки потихоньку переговаривались. Настя начала болтать ногами и незаметно рассматривать мальчика. Мальчик, как мальчик, беленький чубчик, розовые уши, обыкновенный. Только чистенький очень.

Мальчик тоже начал болтать ногами и посматривать на Настю.

– Тебя как зовут? – внезапно спросил он.

Сначала Настя хотела показать ему язык, но вспомнила о бабушке и о том, что надо быть вежливой.

– Настя, – но она все-таки не удержалась и высунула кончик языка. Мальчик почему-то обрадовался, улыбнулся широко:

– А меня – Миша. – И сразу же задал странный вопрос:

– У тебя сколько минус?

– Что? – не понимает Настя.

– Зрение у тебя какое? – попытался объяснить мальчик.

– Нормальное, – ответила она.

Он недоверчиво покачал головой, и с гордостью сообщил:

– А у меня минус полтора!

Настя не поняла, что значит «минус полтора», она подумала, что этот мальчик просто задается, строит из себя.

– Глупости! – заявила она. Мальчик собрался что-то ответить, но в этот момент дверь открылась, и выпустила девочку в очках, а за ней маму.

Они быстро направились к выходу. Бабушка мальчика поспешно поднялась, и мальчик встал. Она подтолкнула его к двери. Настя следила. Вот, дверь приоткрывается, бабушка спрашивает у кого-то «можно?», и, видимо, получив утвердительный ответ, мальчик и бабушка исчезли за дверью.

– Ну вот, мы следующие, – шепнула Настина бабушка.

– Бабушка, что такое минус полтора? – спросила Настя.

– Это значит, что у человека зрение не очень хорошее, близорукость у него. – Объясняет бабушка.

Настя задумалась: выходит у этого мальчика близорукость, выходит, у него близкие руки, что ли? Странная болезнь. Вот у Насти с руками все в порядке. Она украдкой рассматривает свои руки, пошевелила пальцами. У нее вообще все в порядке. Правда, иногда голова болит,

и еще, взрослые утверждают, что у нее зрение плохое. Но это не правда! Настя все прекрасно видит. Это они не видят…

Настя посмотрела на дверь, на бабушку, на потолок. На потолке нет ничего интересного. А время течет медленно. Тихо, сумрачно и пусто…

– У меня хорошее зрение! – убежденно говорит Настя.

– Вот, сейчас доктор и проверит, – пообещала бабушка.

Дверь, наконец, открылась, выпуская мальчика Мишу. Его бабушка раскланялась с Настиной. Мальчик поднялся по ступенькам, оглянулся. Настя тоже оглянулась. Они встретились взглядами, Миша улыбнулся. Улыбка у него хорошая, открытая и глаза… у него такие хорошие глаза, жаль, что больные. Настя улыбнулась в ответ.

Приоткрытая дверь ждала.

Настя шагнула.

Она увидела маленькую комнату без окна. Здесь тоже полумрак, одинокая лампочка не дает достаточно света. За столом слева сидела женщина белом халате и смешной круглой шапочке. У женщины ослепительно белые волосы с искорками, как у Настиной куклы. Женщина подняла голову посмотрела на Настю, улыбнулась, на щеках сразу появились ямочки. Настя окончательно успокоилась. Женщина вовсе не страшная. Настя вежливо поздоровалась.

– Здравствуй, здравствуй, – почему-то обрадовалась женщина. Бабушка рылась в сумке, наконец, она достала Настину карточку, протянула женщине. Та сверилась со своими записями. Бабушка, склонившись к ней, что-то сказала негромко, но Настя уловила, снова бабушка назвала Настю «недоношенным ребенком». Докторша на секунду замерла, потом кивнула и:

– Вы подождите, – велела она бабушке, – а ты, Настя, проходи сюда, – она открыла еще одну дверь, а за дверью оказался плотный черный занавес. Настя оглянулась на докторшу. Та кивнула: смелее! Настя отодвинула занавеску, за ней густой полумрак. Настя вступила в него с опаской. И сразу же вспыхнул свет.

Эта вторая комната очень большая, заставленная неизвестными Насте приборами. Посередине комнаты – кабина с круглыми стенами. Настя остановилась и стала рассматривать кабину с интересом.

– Хочешь войти? – спросила доктор.

– И что будет? – недоверчиво уточнила девочка.

– Я тебе кино покажу, – рассмеялась женщина. – Не бойся, мы просто проверим твое зрение.

Настя недоуменно оглядывала стены. Зрение проверяют не так, Настя знала. На стене должен висеть плакат с буквами разного размера. Доктор показывает на буквы, а ты отвечаешь. Но никакого плаката с буквами не наблюдалось.

Настя заглянула в кабину, решилась и с неохотой уселась на круглый стул внутри.

– Садись удобнее, – посоветовала женщина, – клади сюда подбородок, так, смотри на этот экран, ты будешь видеть картинки и рассказывать мне о них, договорились?

– Да…

Настя внимательно смотрела на экран, и действительно, вскоре на нем появились картинки: сначала самые простые, похожие на рисунки малышей, потом картинки становятся сложнее, они мелькают, Настя едва успевает говорить о том, что она видит. А видит она очень яркие пейзажи, цветы, деревья, животных. Картинки вспыхивают и гаснут, сменяя друг друга. Настя увлекается. Она забывает о том, Где она находится, забывает о докторше, бабушке, о своем плохом настроении. Так бывает, когда смотришь очень хороший фильм в кинотеатре.

Но вот, она слышит голос:

– Спасибо, Настя, ты отлично справилась!

Экран гаснет. Настя с сожалением отодвигается от него.

– Устала? – спросила доктор.

– Нет, – ответила Настя, сползая со стула.

– Завтра придешь?

– Приду, – пообещала Настя.

– Прекрасно! – улыбнулась доктор.

И снова приподнимается занавес, свет гаснет за спиной, на несколько секунд наступает почти полная темнота. И Настя оказывается в первой маленькой комнате.

Доктор передает Настю бабушке. Назначает время следующего сеанса. Она так и говорит: «сеанс». Потом они тепло, почти по-родственному прощаются, и Настя с бабушкой выходят на улицу.

– Ну, что там с тобой делали? – спросила бабушка, она казалась слегка испуганной. Бабушкино беспокойство удивило Настю.

– Картинки показывали, – она пожала плечами.

Бабушка успокоилась:

– Вот, видишь, ничего страшного, – сказала она.

– Ба, а зачем завтра приходить?

– За результатами, – ответила бабушка.

– А-а-а, – протянула Настя.

*** * ***

Девочка с бабушкой ушли, двор вокруг особняка пуст.

Обитая дерматином дверь открылась, выпустив беловолосую докторшу, она спустилась с невысокого крыльца, огляделась, и, удостоверившись в том, что рядом никого нет, быстро поправила крохотную сережку в левом ухе.

– Это она… – негромко сказала женщина.

Восемь лет спустя

Страница из дневника одиннадцатиклассницы Насти Афанасьевой

Вы думаете, что человечество еще не открыло «эликсир жизни»? Помилуйте! Бессмертные давно существуют среди обычных людей и активно участвуют в жизненном процессе.

В бессмертии, как таковом, сложного-то и нет ничего; наши организмы, точнее, их клетки, запрограммированы на смерть, иначе не будет развития, эволюция прекратится, опять же, куда девать такое количество людей? Представьте себе: что произойдет, если люди перестанут умирать? Но, это проблема, в общем-то, социальная… Какое скажите дело Господу Богу до наших социальных проблем?

Вы спросите: «А какое нам дело, до всяких там преемственностей поколений и эволюционного развития!? Мы жить хотим! Мы не хотим, чтобы наши тела были столь подвержены разрушению; мы боимся болезней, старости, немощи и смерти!» Конечно, вопросы вполне правомерные, человек, благодаря своему инстинкту самосохранения, не желает исчезнуть, оставив после себя лишь пыль и прах. В бессмертие человеческой души и вечную жизнь после смерти верят не многие, а умирать страшно, ой как страшно смириться с конечностью себя любимого. И никакие уговоры здесь не помогут, только безграничная вера, или полное равнодушие ко всему. Это я так, предполагаю…

Бунт против смерти и вечная жизнь вечного тела – золотая мечта человечества, (прошу прощения за избитую метафору).

Мне было лет тринадцать, когда мой отец рассказывал о научной гипотезе, якобы, вычитанной им в какой-то брошюре. Там говорилось о запрограммированности клетки на смерть. Так вот, клетка тоже бунтует против смерти, и этот бунт выражается во всем

нам известном заболевании – раке. Раковые клетки – не что иное, как восстание против смерти. Вам никогда не приходило такое в голову? А кому-то пришло. Если предположить, что та гипотеза, вовсе не гипотеза, не научное предположение, а уже свершившееся открытие, страшно засекреченное, но все-таки просочившиеся в печать. Хотя, возможно, эта случайная информация вовсе не была случайной, скорее, наоборот.

Итак, продолжаю допускать: бессмертные существуют! Для того чтобы получить бессмертие, оказалось достаточным перепрограммировать генетический код, и клетки организма перестали стареть, то есть: процесс регенерации и деления клеток может продолжаться бесконечно долго, а раз идет постоянное обновление, то нет ни старости, ни смерти.

Конечно не для всех. Нельзя всем, пока… Я думаю, что и дальше всем нельзя будет.

Они – бессмертные, отбирают тех, кому «можно». Отбор – одна из главных задач у бессмертных. Ведь надо выбрать самых лучших и достойных. А, может, наоборот, тех, кто больше заплатит.

И еще, я думаю, у бессмертных существует определенная проблема. Эдакий пунктик: у них не может быть потомства. То есть, конечно, в свое время все репродуктивные функции у них работали, а затем, когда они переступили эту черту человеческого возраста – все. Организм молод, здоров, прекрасно регенерирует, борется с любыми вирусами, но он абсолютно стерилен.

Именно поэтому мы им еще нужны. Человечество поставляет новых бессмертных.

Для отбора существуют наблюдатели, это те из бессмертных, которые работают в школах, детских учреждениях, институтах. Выбирают лучших, или наиболее подходящих, не знаю. Следят, конечно, и за научными лабораториями: «как бы чего не вышло…».

Почему отбирают детей? Да потому, что ребенка проще «исправить». Бессмертие – это не просто пилюлька на ночь, это довольно длительный комплекс процедур, после окончания, которого ваш организм полностью обновляется. Можно сказать, что бессмертный, это уже не человек, это некое сверхсущество с довольно широкими возможностями. Представьте себе, что ваше тело все время живет в том же ритме, в каком вы жили в детстве, или ранней юности. Выпал зуб, не беда, на его месте тут же вырастает новый; никакого отложения солей, варикозного расширения вен, никаких камней в почках, холецистита, мигреней, и вообще, никаких других гадостей, подстерегающих человеческое тело на каждом шагу. Заманчиво, не правда ли?

Настя еще раз пробежала глазами написанное, кивнула удовлетворенно и потянулась всем телом. Все. Она опустила крышку ноутбука и, откинувшись на спинку стула, оттолкнулась, и отъехал от стола. Лет с двенадцати у нее появилась привычка записывать свои мысли. Сначала, конечно, это были дневники, но потом в семье появился компьютер, который Настя освоила в рекордно короткий срок. Так что, в конечном итоге, компьютер перешел в ее безраздельное владение. Все равно в семье кроме Насти им никто не умел пользоваться.

А на ноутбук Настя заработала сама. Летом занималась переводами. Отчим приносил ей с работы груды документации на английском и немецком языках. Настя без труда справлялась с этой работой. Языки ей давались легко. Ей вообще все легко давалось. Ей не надо было заучивать параграфы, стихи и правила. Вся информация после первого же прочтения аккуратно укладывалась у Насти в голове и не терялась.

– У тебя память хорошая, – говорила мама.

Мамины страхи относительно Настиного здоровья давно были забыты. У Насти появился маленький брат. Малыш часто болел, и все мамино внимание теперь было обращено к нему. Но Настя не обижалась. Да и на что обжаться? В свои шестнадцать Настя не знала, что такое высокая температура, не понимала, как это, когда болит горло. Иногда, если очень не хотелось

в школу, она симулировала болезнь. Ей верили, жалели, разрешали не ходить на уроки. Она же довольно долго читалась слабенькой. Еще бы: недоношенный ребенок!

Теперь Настя знала историю своего рождения. Мама очень рано вышла замуж. После школы она поехала учиться в другой город, познакомилась с Настиным будущим отцом, влюбилась без памяти. Что там между ними произошло, Настя толком не разузнала. Взрослые упорно избегали разговоров на эту тему. Но после того как Настины родители поженились, мама вернулась домой. А потом родилась Настя, раньше положенного срока. Бабушка говорила, никто не верил в то, что Настя выживет. Семимесячный ребенок весом девятьсот грамм, да еще и без левого уха.

Но Настя выжила, и ухо у нее выросло.

– Мы тебя потому и назвали Анастасией, что значит – воскресение, – объяснила бабушка.

И еще бабушка говорила, что на Насте все заживает, как на собаке. Правда, серьезных травм Настя не получала. Носилась, сломя голову, но почему-то не падала. А если и падала, то синяки и шишки сходили на глазах. Ссадины мгновенно затягивались. Настя думала, что так и должно быть, что ту нет ничего особенного. Но однажды, она увидела, как подруга порезал палец. Из небольшой ранки хлынула кровь, девочка испугалась и заплакала. И Настя, чтоб ее успокоить, тут же тоже порезала себе палец:

– Смотри, ничего страшного, – уговаривала она подружку. И ранка на пальце затянулась на глазах. Правда, подруге это не помогло. Пришлось обрабатывать ранку антисептиком и бинтовать.

Настя не боялась вида крови. Она вообще ничего не боялась, кроме, пожалуй, смерти.

Став старше, она больше не прилипала к окну, услышав звуки похоронного марша. Она старалась избегать встречи с тем, чего не понимала и не принимала.

Ее детские «странности» прошли, как и головные боли. Настя больше не уходила в себя, не «исчезала», она выросла и превратилась в обычную девочку, а потом и девушку, симпатичную, спокойную, общительную.

Своего родного отца Настя так никогда и не увидела.

Она привыкла считать отцом отчима. Звала его папой и не задумывалась. А чего задумываться, ведь это он водил маленькую Настю в детский сад, он купил ей первый велосипед и учил на нем кататься, он дарил ей кукол, читал книжки и вообще, вел себя как самый настоящий отец.

Перед тем, как Настя должна была пойти в первый класс, ее семья переехала в другой город, «поближе к родным», как объяснила бабушка.

Насте на новом месте понравилось. Дед с бабушкой поселились в доме с чудесным запущенным садом, доставшимся им по наследству. Настины родители купили квартиру почти в центре города.

Потом Настя пошла в школу.

И, в общем, все было хорошо. Можно казать, Настя была почти счастлива. Почти…

Если бы не сны.

Точнее, один и тот же сон, который повторялся почти каждую ночь, с тех самых пор, как Настя себя помнила.

Серая равнина до горизонта, над равниной такое же серое небо, низкое, бессолнечное. На равнине стоят люди, неподвижно, молча, напряженно. Застывшие, как статуи. Но они не статуи, Настя знает. Потому что они ждут. Ждут ее, Настю.

Лиц не разобрать. Настя видит их как будто издалека. Как будто она наблюдает за ними откуда-то верху, словно она стоит на холме, а они внизу.

Настя знает, что их там около сотни: мужчин и женщин в длинных, до земли одеждах.

Насте не хочется к ним подходить.

Ей не нравится равнина, небо, напряженные человеческие фигуры. Она хочет поскорее убраться оттуда, и всякий раз просыпается среди ночи, долго лежит с раскрытыми глазами, не дает себе уснуть, чтоб не провалиться в тот же сон.

Обычная школьница

«Вот и еще день прошел» – думала Настя. Она шла нарочно медленно, поддевая носками туфель опавшие листья.

Нет. День еще не кончился. Он перевалил за половину. Но Насте нравилось думать о дне в прошедшем времени. Потому что… Просто Насте было скучно. Скучно по жизни. Сегодня она отсидела шесть уроков, плюс факультатив по алгебре. Ну и что?

Математичка принесла «очень сложную контрольную». Она так гордилась этой контрольной, такую прочувствованную речь произнесла. Настя, было, заинтересовалась. В итоге, взглянув на задачу, Настя хмыкнула, и быстро набросала несколько вариантов решения.

Она не стала спешить и объявлять учительнице о том, что она справилась. Нет. Она выждала некоторое время, наблюдая за пыхтевшим над задачей умником Антоном, за строчившей в тетради и бледной от усердия отличницей Наташей. За другими наблюдать было неинтересно. Они откровенно тупили и ждали, когда решение будет готово, и им выдадут его на блюдечке.

Ага! Антон вздернул руку. Ну-ну… Настя насмешливо хмыкнула. Учительница глянула недовольно.

– Антон, ты готов? Ну, что ж, иди к доске, объясни нам, – предложила она.

Пока Антон с видом заправского вундеркинда расписывал на доске уравнения и чертил графики, Настя, откинувшись на стуле, прикрыла глаза, про себя она отметила, что Антоново решение слишком громоздкое, традиционное. Изящества ему не хватало, решению и Антохе тоже.

– Молодец, – похвалила учительница, – ребята, вам понятно? – услышав гул голосов, она кивнула, – Перепишите решение.

Головы склонились к тетрадям, слышался едва уловимый звук, это ручки скользили по бумаге. Настя тоже склонила голову, сделала вид, что пишет.

– Так, хорошо, – учительница пошла по рядам, заглядывая в тетради.

– Настя, у тебя, кажется, есть еще один вариант решения?! – она остановилась рядом с Настей.

– Да, я тут набросала, – нехотя отозвалась Настя.

– Так, поделись с нами, – учительница взмахнула рукой, приглашая к доске. Настя выбралась из-за стола, подошла к доске, быстро вытерла Антохины записи. Задумалась. Приняла решение и набросала на доске один из своих вариантов.

– Хм, – учительница явно заинтересовалась, – интересно… Ребята, как вам?

Антон мгновенно сориентировался:

– Я тоже так хотел, но поторопился!

Настя усмехнулась, ну, конечно!

– У кого какие мысли? – на всякий случай спросила учительница. – Так, никаких. Тогда перепишите и это решение.

Настя вернулась на свое место.

Учительница озабоченно посмотрела на часы:

– Ребята, вот что мы сделаем, остальные задания вы возьмете на дом, а мы с вами встретимся в четверг и посмотрим, что у кого получилось. Да, вот еще: к нам скоро прибудут гости: преподаватели нескольких столичных ВУЗов. О дате я сообщу дополнительно. Думаю, всем вам будет интересно.

Настя встрепенулась. Вот это новость! Захотелось переспросить, узнать подробности. Что за преподаватели, из каких ВУЗов? Но Антон успел первым. Прямо так и кинулся к учи-

тельнице. Тоже в Москву собрался? Конечно, куда же еще. Как говорили Настины родители: если учиться, то в столице. Видимо, Антохины считали так же.

Между тем учительница успела поведать о выездной приемной комиссии, куда вошли преподаватели столичных ВУЗов, и вот, эта комиссия прибывает и к ним, в заштатный городок, дабы обнаружить юных гениев и дать им путевки в жизнь.

Ладно, пусть приезжают, поглядим…

Настя собрала портфель и направилась к выходу. Наташа догнала ее у раздевалки:

– Домой?

– Да…

– Тебе на курсы когда?

– Завтра…

– Ой, и мне завтра. Слушай, ты на олимпиаду по физике идешь?

– Конечно, – Настя даже усмехнулась.

– А по химии?

– И по химии, – нехотя отозвалась Настя.

Наташа вздохнула:

– И когда ты только все успеваешь!?

Настя пожала плечами. Мимо прошествовал важный Антон. Вот уж у кого самомнение! Просто караул! Даже не взглянул в их сторону.

Настя направилась к выходу. Наташа семенила за ней:

– Слушай, Антоха тоже везде записался. Мне кажется, он завидует!

– Ну и что?

– Да так, ничего…

С тем и разошлись. Наташка – направо, Настя – налево.

Настя ускорила шаг, просто, чтоб уйти от школы подальше. Потом пошла медленно. Некуда торопиться.

Настя была настолько погружена в свои мысли, что никак не отреагировала на свист и брошенные ей в след восхищенные восклицания. Подумаешь, свистят… к подобным выходкам со стороны парней, да и мужчин постарше, Настя привыкла. Почти. О своей внешности она никогда не задумывалась.

– Настька! Какая ты красивая! – вздыхала подруга Наташа.

– Ой, деточка, расцвела! тьфу, тьфу, тьфу! – шептали старушки у подъезда и старательно плевали через левое плечо.

Друзья родителей, едва входили в дом, рассыпались похвалами в адрес Настя, и мама розовела от удовольствия. А бабушка хмурилась, не любила, когда внучку восторженно хвалили чужие. «Не хорошо это, не к добру». – Ворчала бабушка и добавляла – Не в красоте счастье! А уж девичье счастье и подавно».

Настя не спорила. Когда приставали на улице, опускала голову и ускоряла шаг. Отставали. Но не в этот раз.

– Эй, ты! Куда торопишься?! – незнакомый парень догнал, ухватил за локоть.

Настя вывернулась, хотела пройти мимо.

– Ты чё, гордая?! – возмутился парень. Его приятели захохотали, посыпались нецензурные словечки. Настя поморщилась. Она не испугалась, нет. Было бы, кого бояться. К тому же, белым днем.

– Шел бы ты, – равнодушно посоветовала она.

– Нифигасе! Борзая! – искренне удивился парень и снова попытался ухватить ее за руку. – Слышь, чё скажу…

Слушать его Настя не собиралась. От настойчивого незнакомца ощутимо разило пивом и табаком, взглянув на него, Настя определила, что незнакомец давно вышел из подросткового возраста, попросту говоря, обычный неприятный городской хам со товарищи.

– Ух, ты, зеленоглазая! – восхитился парень, – айда со мной, киска.

Его приятели придвинулись, окружая Настю. И снова она не почувствовала страха, только холодное бешенство, вдруг, на мгновение вспыхнуло внутри, так, что слегка помутилось в глазах, Настя сжала кулаки и шагнула прямо на парня.

Она не поняла, что произошло, но когда пелена рассеялась, ни хама-незнакомца, ни его приятелей рядом не было. Никто не преследовал Настю.

«Странно» – подумала она. Но неприятный эпизод скоро выветрился из мыслей. Было, и было, подумаешь…

Месяц спустя. Аэропорт Домодедово.

У стойки регистрации толпился народ. Несколько человек, необремененных багажом, сгрудились чуть в стороне. Они оживленно переговаривались, смеялись. Вдруг, один из них, молодой, темноволосый, в длинном черном пальто, обернулся.

– Я сейчас вернусь, – сказал он своим спутникам.

И быстрым шагом направился к стоящему неподалеку мужчине.

– Ну, ты и вырядился, Маркус, – негромко и неприязненно произнес черноволосый. Рыжеватый, кудрявый Маркус и впрямь выглядел довольно экзотично в широком и длинном плаще из тончайшей лайки, отороченном мехом.

– Разве сейчас это не носят? – Равнодушно переспросил Маркус, – извини, я вечно путаю. Но, речь не обо мне, Габриель.

– Что явился меня уговаривать? – в голосе Габриеля послышалась грустная насмешка. Маркус как будто смутился.

– Габриель, не торопись!

– Сколько можно ждать?

– Столько, сколько нужно…

– Ты шутишь? Время уходит!

– Не смеши меня, Габриель. Времени не существует. По крайней мере, для нас и для нее.

– И все же, я буду настаивать!

– Габриель!

– Я и так слишком долго шел у тебя на поводу, Маркус. Хочу напомнить: когда меня взяли, моего мнения никто не спросил.

– Габриель, ты остался совсем один. Не могли же мы бросить тебя погибать от голода?

– Маркус, неужели ты думаешь, что она откажется?

– Габриель, не начинай все сначала. Ты знаешь, что я отвечу.

– В таком случае, я вынужден собрать общий совет.

– Что это даст? Перевеса не будет.

– Будет! На один голос, но будет! А значит, у нее появится наставник. И это будет наш наставник. А ты, Маркус, можешь устраниться, как всегда.

– Жаль, мне очень жаль, Габриель…

Габриель больше не слушал его. Он отвернулся и направился к своим.

– Кто это, Гена? – кокетливо спросила его одна из женщин, – такой импозантный мужчина!

– Так, чудак один, иностранец, – выкрутился Габриель – Гена.

На следующий день. Школа.

Целый месяц школа готовилась к приему важных гостей. Все, что можно было отдраить, отдраили, покрасили и поменяли. В вестибюле красовались новенькие стенды, на кабинетах появились таблички. В актовый зал привезли новые стулья. Школа напряженно ждала.

Накануне появления столичных гостей, директор лично повелела всем ученикам школы привести себя в порядок. «Под страхом смертной казни», – добавила про себя Настя.

Перед первым уроком оба одиннадцатых класса загнали в актовый зал, туда же пришли и «подающие надежды» выпускники из других школ.

Настя уселась рядом с Наташкой, та заняла два места. Над залом висело гудение, как в потревоженном пчелином улье.

На сцене стоял стол, покрытый скатертью, бутылочки с водой, ваза с цветами. Все, как обычно: Взволнованная директор нервно прохаживалась по рядам, пыталась установить тишину. То и дело хлопали входные двери, бегали учителя. Наконец, Настя услышала возглас: «Идут!». И с любопытством обернулась ко входу. Она ожидала увидеть бодреньких старичков с бородками. Почему-то именно с бородками. Но вместо старичков в зал вошли мужчины и женщины разного возраста, практически ничем не отличающиеся от Настиных родителей и знакомых.

Ребята по команде директрисы встали, громыхнув стульями. Комиссия поднялась на сцену и расселась за столом. Директриса, лучась счастьем, порхнула следом, схватила микрофон, взволнованно поздоровалась с гостями и разразилась пламенной речью. Настя не слушала, она рассматривала гостей.

– Ты посмотри! Какой красавчик! – восторженно шепнула Наташка в самое ухо.

Настя и сама уже успела обратить внимание на одного из прибывших. В отличие от своих коллег, людей, в общем, не старых и даже симпатичных, он казался слишком молодым и слишком красивым. Настя не думала, что преподаватели могут обладать такой внешностью. Такими бывают артисты кино или модели в гламурных журналах. Интересно, сколько ему лет? Настя, не, стесняясь, рассматривала незнакомца. Невероятно! Именно такими представлялись Насте испанские гранды из исторических романов, или удачливые капитаны пиратских кораблей, опять-таки, герои романов, конечно. Смуглое горбоносое лицо, высокие скулы, волнистые темные волосы зачесаны назад…

И вдруг, он взгляну прямо на нее, как будто почувствовал. Его глаза! Настя поспешно опустила голову. Какие глаза! Вот, неудобно-то получилось! – подумала с досадой.

Наташка ткнула ее локтем в бок:

– Смотрит прямо на нас! – шепнула.

Настя насупилась, и еще ниже опустила голову.

Между тем, директриса представила всех прибывших и предложила высказаться. Гости вставали по очереди, выходили к микрофону, рассказывали о ВУЗах, которые они представляли. Настя почти не слушала. Она ждала, когда же выступит красавец. Но вот, очередь дошла и до него, однако он не стал ничего говорить, вместо него вышла женщина. Настя разочарованно вздохнула. Как же так? Она даже имя его не запомнила.

Директриса предложила задавать вопросы. Робко потянулись вверх руки. Антон, конечно, в первых рядах. А Настя так и не спросила ничего. Она ждала. Но не дождалась. Ребятам раздали конверты с заданиями. Велели решить все к завтрашнему дню и сдать. Еще сообщили, что с теми, кто успешно справится с заданием, будет проведено собеседование. И все. Гости поднялись, откланялись и ушли, оставив Настю с ее тревожными мыслями. Она механически мяла пальцами плотный конверт и думала.

– Пошли, чего сидишь, у нас физика, – напомнила Наташка.

Пришлось встать и идти на физику. Конверт с заданием Настя небрежно затолкала в портфель.

А на физике ее ждала новость. Новая учительница. Ее представила завуч:

– Ребята, теперь у вас будет вести физику Светлана Ивановна.

Рядом с завучем стояла крепкая, со спортивной фигурой девушка. Короткая стрижка, густые светлые волосы – шапкой, большие серые глаза…

«Сегодня день сюрпризов» – подумала Настя, разглядывая новую учительницу. А та, вдруг, тоже остановила свой взгляд на ней. На этот раз Настя не отвела глаза. Выдержала. Светлана Ивановна казалась спокойной и строгой, хотя и очень молодой.

Завуч удалась. Класс попробовал было, заняться своими делами, как раньше, при Петре Николаевиче. Не тут-то было. Новенькая мгновенно пресекла шум и заставила себя слушать. У нее оказался низкий, хорошо поставленный голос. Стоило кому-нибудь отвлечься, Светлана мгновенно реагировала и пресекала.

– Тихо! – властно требовала она, глядя прямо на нарушителей. И возня прекращалась. Новую тему учительница дала быстро и доступно. Буквально разложила по полочкам довольно трудный материал. И как ей это удалось?

После уроков, выходя из кабинета, ребята шептались, обсуждали Светлану Ивановну «Стерва» – услышала Настя, в адрес учительницы – но прозвучало это с уважением.

Конверт с заданием Настя вскрыла дома. Так, что тут у нас: алгебра, тригонометрия, физика, химия… Настя быстро справилась. Хотя, была парочка заковыристых задач, скорее на сообразительность, чем на знания.

Вечером позвонила Наташка и с отчаянием в голосе стала выспрашивать о задании. Она паниковала, потому что никак не могла осилить свое. Настя подсказала. Что ей, жалко, что ли. Пусть человек порадуется.

Ночью она снова увидела серую равнину и неподвижные людские фигуры.

Внезапно, один из тех, что стоял ближе всего, поднял голову и пристально посмотрел на нее.

Настя узнала его.

Она проснулась среди ночи с бешено колотящимся сердцем и долго уговаривала себя: ну все, все, хватит… подумаешь, приснился кто-то. Произвел впечатление, вот и приснился. Сны – это просто картинки-образы, всплывающие из подсознания.

Может, я влюбилась…

Смешно…

Она улыбнулась.

Действительно, смешно! Шутка…

На следующий день задания были сданы лично директрисе. А еще через день на собеседование были вызваны Настя, Антон, Наташа, трое ребят из параллельного класса и еще незнакомые девчонки и парни из других школ.

Настя давно не испытывала такого беспокойства. Пожалуй, только в детстве, когда мама силком таскала ее по врачам из-за частых головных болей. Но головные боли давно прошли. Врачи забылись, а чувство беспокойства вот оно – всплыло внезапно. Накатило.

Она сидела перед закрытой дверью в учительскую, как когда-то перед приемом у доктора. Вызывала завуч.

Настя почему-то оказалась последней в списке. Она видела, как после собеседования пылали щеки у Антона, и какой бледной вышла из кабинета Наташка.

Завуч позвала ее.

Настя вошла и сразу же увидела его – неизвестного. Страх улетучился. Настя взглянула с вызовом. На нее теперь смотрели сразу несколько человек. Настя поздоровалась. Стали задавать вопросы. Только он молчал, правда, то и дело записывал что-то.

– Куда собираетесь поступать? – обращались церемонно, как со взрослой, на вы.

– В медицинский, – заявила Настя, – правда, меня больше всего интересует генетика…

– А почему не в МГУ? – подал голос мужчина из комиссии.

– Да, я подумывала о МГУ, но потом решила, что для моих целей надо сначала окончить медицинский. – Не задумываясь, ответила Настя.

– Вот как? Хотите кого-то клонировать? – она сразу не сообразила, что слышит его голос.

– При чем здесь клонирование! – Настя ответила резко, ей не понравился вопрос и тон, с которым он был задан.

Она повернула голову: он смотрел чуть насмешливо, или ей так показалось. Темные волосы волнами, зачесаны назад, глаза, его обжигающие карие глазища, гладкая кожа, даже слишком гладкая. Безупречная. Вблизи он казался еще красивее. Настя вспомнила свой сон. Чтоб не покраснеть, отвернулась.

Завуч и директриса расхваливали ее на все лады. Их послушать, так Настя могла бы стать кем угодно: от актрисы до ученого. Комиссия негромко переговаривалась, на Настю смотрели благосклонно, кивали головами.

Все. Кроме него.

– Итак, вы не объяснили, почему вас интересует генетика, – напомнил он.

– Потому что за ней будущее, – запальчиво ответила Настя, – а то мы в космос собрались, а своих возможностей не знаем. Ничего мы толком не знаем, – уже тише добавила она. – Сначала надо разобраться с собой, своим телом, излечить его от старости и смерти, – она запнулась.

– Похвальная вера в будущее человечества, – изрек он.

– Конечно, ведь я тоже человек, – ответила Настя.

Он ничего не сказал, только взглянул так, многозначительно. Как будто хотел сказать, но передумал, или вокруг было слишком много лишних ушей.

Кто-то вступился за Настю:

– Геннадий Борисович, ну зачем вы смущаете девочку!

Неожиданно он улыбнулся:

– Умолкаю, – сказал.

А Настя подумала: «Вот как! Геннадий Борисович, значит… Ужасно не идет ему это имя!»

Путешествие в никуда

Она возвращалась домой в сумерках. Загорелись фонари, и в их свете кружились редкие снежинки.

«Первый снегопад. Так рано…» – думала Настя, подставляя лицо снежинкам. «Странный был день, странный… И собеседование это… И Геннадий Борисович со своими насмешками…»

Подходя к подъезду, она заметила одинокого мужчину, сидящего на скамейке, явно кого-то поджидавшего. Скользнула равнодушным взглядом и отвернулась.

– Настя, – негромко позвал ее незнакомец. От неожиданности она вздрогнула, замешкалась на секунду, ей захотелось быстро шмыгнуть в подъезд, но она почему-то помедлила. А потом отступать было поздно. Незнакомец уже стоял рядом.

– Геннадий Борисович? – удивилась Настя. В голове мгновенно наступил хаос. Мысли кружились, как усилившийся снегопад.

– Что вы здесь делаете?

Его черное пальто было припорошено снегом, снежинки запутались в волосах. Наверное, он замерз, потому что был без шапки, а на улице заметно похолодало, да еще и ветер поднялся.

– Настя, нам надо поговорить, – заявил он.

Настя растерялась окончательно:

– О поступлении? – вопрос прозвучал тупо. Она это почувствовала.

– Не совсем, – отозвался он.

«Что же с ним делать? – попыталась собраться с мыслями Настя, – домой пригласить? Неудобно как-то… но почему неудобно? Он ведь преподаватель, представитель какого-то ВУЗа… кстати, я так и не поняла, какого. Но что ему от меня надо?».

– Я бы вас сейчас пригласила, да родителей дома нет, – залепетала Настя, – Пожалуйста, заходите вечером, – вежливо предложила она, указав на подъезд. Он проследил за ее рукой, покачал головой:

– Нет, это конфиденциальный разговор.

«Вот это номер! – растерялась Настя, – о чем таком он хочет со мной поговорить?».

– Ты не волнуйся, Настя, – почему-то он резко перешел на «ты», – это разговор касается непосредственно твоего будущего…

«Ого! Непосредственно моего будущего! Так почему же ты, Геннадий Борисович, не хочешь зайти ко мне домой и поговорить об этом с моими родителями? Нет, что-то тут не так» – догадалась Настя.

– Думаю, вам все-таки, лучше поговорить с родителями, – сказала она вслух.

Но Геннадий Борисович и не подумал отступать. Он посмотрел прямо ей в глаза:

Настя поежилась под его взглядом, он почему-то, перестал ей нравиться.

– Родители здесь ни при чем, – его голос прозвучал негромко и вкрадчиво.

– Я вас не понимаю, – холодно ответила она, – извините, но мне пора домой. Настя решительно направилась к подъезду.

– Настя!

Он догнал ее, когда она уже открыла дверь. Настя даже успела заметить, как в подъезде мигает лампочка под потолком.

– Погоди! – он схватил ее за локоть. Она хотела вывернуться. Но не успела.

Мир покачнулся. Земля рванула из-под ног, дом вместе с подъездом, мигающей лампочкой в полутемном вестибюле, лег на бок. Настя в безотчетном ужасе поняла, что она куда-то падает, и что это «куда-то» – бесконечность.

Потом мир потек, смазался, превратился в размытые серые тени и исчез. Вместо него наступило ничто, или нечто, где ничего не было, и быть не могло. Настя умирала, но смерть, почти захватившая ее, все никак не наступала окончательно.

– Извини, – услышала она на грани небытия, – в первый раз это неприятно…

Он отпустил ее локоть. Ноги не держали. Настя стала оседать, он подхватил ее. Сумка соскользнула с плеча и с мягким стуком упала.

Настя случайно прикоснулась щекой к жесткому ворсу его пальто, и ощутила запах сандалового дерева, шерсти и подтаявшего снега. Она резко отстранилась.

«Что это со мной было?» – успела подумать. Ее слегка мутило. Зато под ногами снова была твердая поверхность. Настя подняла голову, огляделась, и ее глаза расширились, она даже охнула вполголоса. Потому что вместо городского двора, многоэтажек и асфальта, вместо подъезда и вестибюля Настя обнаружила себя совершенно в другом месте.

Место это представляло собой весьма обширный зал, слабо совещенный, стены и потолок его терялись где-то там, их поглощал сумрак. Настя увидела необъятных размеров колонны из серого камня, колонны окружали зал, и, видимо, поддерживали свод потолка, который Насте так и не удалось рассмотреть. Он только предполагался.

Она, не веря своим глазам, медленно кружилась на месте, запрокинув голову. К горлу подкатила тошнота и Настя, с трудом подавив ее, постаралась взять себя в руки. «Это ничего, – уговаривала она себя, – это всего лишь галлюцинация… Он умеет насылать галлюцинации, только и всего. Если только… Если только он не отравил меня».

– Добро пожаловать в Резиденцию амритов, – бесстрастно сообщил Геннадий Борисович.

Настя пристально посмотрела на него, при этом она незаметно ущипнула себя за руку. Но ничего не изменилось. Безупречный Геннадий Борисович и помещение, где она оказалась, не исчезли.

Похититель приглашающим жестом указал на стул темного дерева с высокой прямой спинкой.

– Присаживайся, нам предстоит долгий разговор.

Настя неуверенно присела на краешек стула. Геннадий Борисович распахнул пальто, развернул к ней другой стул и уселся, забросив ногу на ногу.

Настя ждала. Похититель тоже, как будто ждал чего-то. Он задумался, опустив идеальную голову с идеальными черными кудрями:

– Анастасия, прежде всего, я хочу сказать тебе, что ты в безопасности. – Произнес он, наконец. – Я имею в виду абсолютную безопасность.

Настя невольно поежилась.

Что он понимает под абсолютной безопасностью? И вообще, что это за место? Настя сжала зубы, чтоб не закричать, не расплакаться, не устроить истерику. Она старалась смотреть прямо на похитителя. Пусть не думает, что она боится.

То, что ее похитили, сомнений не вызывало.

Она попыталась восстановить в голове произошедшее: снегопад… она подходит к дому, перед ней возникает Геннадий Борисович, они говорят, потом она хочет уйти, ей это почти удается, она распахивает дверь подъезда, он догоняет и хватает за руку, и… провал… видимо в этот момент, он что-то вколол ей.

А потом? Что было потом?

– Настя, ты меня слушаешь? – донеслось до нее.

«Что все это значит?! Где я?! Кто он такой?! Как долго я была без сознания?! Она представила себе, как ее, бесчувственную, заталкивают в подъехавшую машину, везут куда-то… На все это требуется время. А если так, то почему Настина куртку до сих пор мокрая от снега? Да и пальто похитителя, и его волосы на них еще таяли снежинки… Значит… что это значит?

Нет, нет, нет! Спокойно! Только не паниковать!» Настя попыталась вспомнить все, что она читала о похищениях.

– Что все это значит? – произнесла она вслух, стараясь, чтоб ее голос звучал спокойно.

– Об этом я и хочу рассказать, – отозвался Геннадий Борисович.

Настя сжала зубы и заставила себя смотреть прямо на него.

Он помолчал немного, изучая ее:

– Видишь ли, Настя, – медленно произнес он, не спуская с нее глаз, – я сожалею о том, что напугал тебя. Но у меня не было другого выхода, ты ведь не хотела меня слушать. А, между тем, рано или поздно, тебе пришлось бы. И, на мой взгляд, лучше рано, чем поздно.

– Геннадий Борисович, вы считаете, что можно вот так взять и похитить человека, только потому, что он не стал вас слушать? – не сдержалась Настя. – Ну и методы у вас!

– Признаю, – легко согласился он, – не лучший способ расположить к себе. Но у меня не было выбора. Да, я забыл представиться, меня зовут Габриель.

– Ах, вот даже как! – возмутилась Настя, – и кто же вы такой на самом деле, Габриель? Что еще вы мне сообщите о себе?!

Настю буквально трясло от злости, а похититель оставался невозмутимым. И это бесило еще больше. Он слегка поморщился:

– Габриель – мое настоящее имя. – Он слегка поклонился, – И я не интересуюсь похищением юных девиц, с последующей их продажей в восточные гаремы. Твой случай абсолютно уникален. О себе могу сообщить, что родился очень давно, если тебе интересно, в южной Испании.

«Он сумасшедший!» – мгновенно вспыхнуло в Настиной голове. «Надо срочно бежать отсюда! Но как? А что если я нахожусь под действием гипноза? Ведь ясно же, ничего этого быть не может. Совершенно нереально!».

– Так вот, как я уже сказал, я живу не одну сотню лет…

– Подумать только! Вы хорошо сохранились, для своего возраста. – Настин ответ прозвучал ехидно.

Он пропустил ее слова мимо ушей.

– Я такой не один. Нас девяносто девять.

– Почти сотня долгожителей! Не поделитесь секретом, как вам удается? – Настя больше не могла сдерживать себя. Она стала откровенно насмехаться.

– И ты – одна из нас, – невозмутимо добавил Габриель.

Настя вздрогнула. Она вспомнила дневниковую запись. Это что же, похититель каким-то образом добрался до ее компьютера, и теперь провоцирует ее? Нет, невозможно. Он просто чокнутый. Надо немедленно принимать меры.

Настя резко встала:

– Ну, все! Было очень интересно послушать. А сейчас мне пора. Где у вас тут выход?

Она решила: «Будь, что будет. Надо посмотреть, как он себя поведет, если я захочу уйти. Он, конечно, ненормальный, но с ним одним я как-нибудь справлюсь. Главное, чтобы у него не было помощников. С целым сумасшедшим домом мне не сладить».

Она решительно зашагала прочь от Габриеля. У всякого помещения должны быть двери, и у этого, кажущегося бесконечным, зала тоже. Ведь ее как-то сюда доставили. Значит, она сможет найти выход и выбраться отсюда.

– Настя! Подожди! – резко окрикнул Габриель.

Она вздрогнула, но не оглянулась.

Габриель, только что был за ее спиной, но в следующее мгновение уже стоял в проеме между колоннами. Настя несколько раз моргнула. И колонны и Габриель выглядели настоящими, а вот стены за колоннами не было. Все тот же густой сумрак, похожий на клубящийся дым. Настя зажала рот рукой. Сумрак шевелился.

– Я понимаю, тебе нужны доказательства. – Габриель возник рядом, в правой руке у него был нож, небольшой такой, с блестящим лезвием.

Настя шарахнулась в сторону.

Но Габриель почему-то не напал на нее. Он вытянул вперед левую руку, обнажил запястье и сказал:

– Смотри!

Лезвие полоснуло по коже. Настя тихо вскрикнула. Нет, не от вида крови. Ее пугал безумец и его нож.

Кровь обильно хлынула из раны. Она полилась на пол. Судя по всему, Габриель перерезал вены.

Настя во все глаза смотрела на его запястье, на алую струйку крови и никак не могла придумать, что же сделать, как его успокоить.

Между тем, он все так же стоял, протягивая к ней руку.

Кровь остановилась.

– Надо промыть и перевязать, – сказала Настя, – нельзя так делать, – добавила она. Вы же взрослый человек, должны понимать.

Габриель сделал шаг.

Настя взглянула на рану. Раны не было. На ее месте остался лишь затянувшийся шрам.

Габриель достал из кармана платок и неспешно вытер руку. На лице его Настя заметила брезгливое выражение. Габриель скомкал и отшвырнул платок.

– Вот так, – произнес он. – Хотя, для тебя это не новость. Ты ведь замечала, что с твоими ранами происходит то же самое.

– Я таких экспериментов не производила, – с трудом выдавила из себя Настя. Голос не слушался.

Он протянул нож:

– Попробуй…

– Нет, спасибо.

Габриель пожал плечами:

– Неприятно, конечно. Но, ради того, чтобы ты поверила, я готов перерезать себе горло.

Настя невольно взглянула на его длинную, загорелую шею с острым кадыком и отрицательно покачала головой:

– Мне не слишком хочется на это смотреть, – призналась она. В голове неслись мысли, перегоняя одна другую. «Габриель хотел покончить с собой у меня на глазах? Или, он просто блефовал? А этот фокус с располосованным запястьем? Допустим, на мне тоже все заживает очень быстро. Но ведь это не говорить о том, что… Он не бросился на меня с ножом, хотя в какой-то момент, я была уверена в том, что бросится… Он явный псих, но на психа не похож. К тому же, он приехал в наш город не один, а с группой преподавателей. Уж они-то должны были знать, с кем едут. Пусть объяснить!».

– Кто вы такой?! Чего вы от меня хотите!? – Вопрос сорвался сам собой.

– Настя, – голос его прозвучал гораздо мягче, – это я и пытаюсь тебе объяснить. Я понимаю, тебе трудно поверить, но я сказал тебе правду.

– Правду? – прищурилась Настя, – всю эту чепуху про долгожителей вы называете правдой? Вы мне еще скажите, что вы последний из вампиров, – она хмыкнула, – или, сколько вас там, девяносто девять?

– Настя, Настя, – он развел руками, – ну при чем тут вампиры?

– Тогда кто же? – прищурилась Настя, – полубоги, инопланетяне, демоны, ангелы…? И с чего это вы взяли, что я та, кто вам нужен? Тоже, нашли избранную! Притащили куда-то, и мозги промываете! А я такая, прямо уши развесила и поверила! Хватит! – она даже ногой

притопнула. – Ваш фокус не удался. Поищите другую дурочку. А я никогда ею не была, и надеюсь, не буду!

Габриель мрачнел, слушая, как она ругает его.

– Ведь предупреждал я Маркуса! – наконец, с досадой произнес он.

– Немедленно выпустите меня отсюда! – потребовала Настя, – а потом разбирайтесь со своими дружками.

– Тихо! – прикрикнул Габриель. Настя осеклась. Уставилась на него исподлобья. Что он еще выкинет?

– Когда тебе было восемь, ты проходила обследование в поликлинике, – быстро заговорил Габриель, – тебе сказали, что у тебя зрение не в порядке.

Настя подняла голову, ее глаза расширились от удивления:

– Откуда вы…

– Отлично, ты вспомнила, – кивнул Габриель, – кабинет врача находился в полуподвале, когда ты вошла в него, там была беловолосая женщина.

Настя вспомнила женщину с блестящими, как у куклы волосами.

– Она предложила тебе пройти в соседнюю комнату, – не отступал Габриель, – и ты прошла. Сама прошла! Так?

– Да чего вы привязались ко мне с этой комнатой! – закричала Настя, – ну, вошла, и что дальше?

– Как ты вошла? – Габриель внезапно успокоился, он сложил руки на груди и ждал ответа.

– Ногами! – огрызнулась Настя. – Там занавеска была, я ее отодвинула и вошла. Что тут такого?

– Ничего, – согласился Габриель, – если не учитывать того, что никакой занавески, как ты выразилась, да и самой комнаты не было.

– Что?! – Опешила Настя, – как это не было, если я своими глазами видела…

– Посмотри туда, – приказал Габриель и махнул рукой в сторону клубящегося сумрака. – Что ты видишь?

– Не знаю, – буркнула недовольная Настя, – похоже на дым или туман, очень густой.

– Пойдем! – он властно взял ее за руку, потянул. Она невольно подчинилась.

Вблизи сумрак обрел плотность, казалось, он затвердел, но все еще продолжал двигаться, перетекать и клубиться.

Стоило подойти вплотную, как Настя обнаружила, что это никакой не сумрак, а стена, сложенная из серого мрамора. Он был так гладко отшлифован, что из-за игры света казался живым. Настя вздохнула с облегчением. Вот все и объяснилось. А то мерещится непонятно что!

В стене была дверь. Простая, деревянная дверь, уже изрядно потускневшая от времени.

Настя обрадовалась. Вот он – выход. Она уже протянула руку, чтоб открыть дверь, но Габриель мягко остановил ее.

– Настя, как ты думаешь, что за этой дверью?

«Снова игры? Он испытывает меня? Нет, так я сама с ним с ума сойду!».

– Не знаю, – ответила она.

– А если подумать?

«Ну, ладно» – решила она. Прикинула на взгляд размеры зала и двери. Дверь была слишком маленькой для такого помещения, она могла вести куда-нибудь к запасному выходу, к служебным помещениям, на кухню, мало ли…

– Скорее всего, там коридор, – предположила Настя.

– И куда он ведет? – заинтересовался Габриель.

– Вам лучше знать! – огрызнулась Настя и рванула дверь на себя. Она ожидала увидеть что-то подобное. За дверью действительно оказался узкий темный коридор. Настя храбро шаг-

нула туда и пошла вперед. От стен гулко отражались звуки ее шагов и шагов Габриеля. Коридорный мрак рассеивали редкие лампы, а впереди все так же клубился сумрак. Но Настя перестала его бояться.

– Здесь где-то должен быть выход, – негромко твердила она. – Ага! вот и он! – Настя наткнула на очередную дверь, не раздумывая, толкнула ее.

– Так я и думала! Кухня! – торжествующе заявила Настя.

Габриель с любопытством огляделся, казалось, он видит кухню впервые. Здесь было светло. По стенам поблескивала посуда на полках, шумели холодильники.

– Хм, действительно, – согласился он.

– Все просто! – Настя гордилась собой, – не надо быть гением, чтоб понять устройство любого дома. – Она обогнула разделочный стол и направилась прямо к следующей двери. – Так, тут кладовая. Значит, идем сюда, – и она распахнула следующую дверь.

– Вуаля! – Настя указала рукой на улицу.

– Браво! – Габриель несколько раз хлопнул в ладоши. – Не ожидал от тебя такой прыти. И что дальше? – спросил он.

– Дальше? – Настя вышла на крыльцо, осмотрела каменную ограду заднего двора, небольшой грузовичок, распахнутые ворота. Сквозь плиты пробивалась жухлая трава. Не было ни ветерка. Стояла мертвая тишина. У Насти поубавилось уверенности. Но она, все-таки, решилась и направилась к воротам. Габриэль не отставал, шел рядом, на лице играла улыбка; улыбка Насте не нравилась.

А за воротами она увидела серую равнину до горизонта и серое, низкое небо над ней. Точно, как в ее снах. Настя испугалась.

Оглянулась назад. И увидела скалу. Серую, одинокую скалу.

История амритов

– Что это за место? – прошептала она.

– Я тебе уже говорил. Это – наша резиденция. Наше убежище. Место, где каждый из нас может спрятаться от мира людей.

– А вы сами-то кто? – затосковала Настя.

– Мы – амриты, иначе – бессмертные.

Настя почувствовала, что ее рассудок отказывается ей повиноваться. Она сникла, повернулась и побрела не думая, куда идет.

– Может, вернемся? – предложил Габриель, догнав ее. Настя обреченно махнула рукой. По щекам потекли непрошенные слезы.

– Настя, я тебе клянусь, я ничего тебе не колол, и ты не под действием гипноза, ты не спишь, и все это происходит с тобой наяву.

– Почему я должна тебе верить? – Настя не заметила, как перешла на «ты». – Все это – плод моего воображения, продолжение моего сна. А как ты в нем оказался, я не знаю.

– Выходит, ты сейчас спишь на улице у своего дома, или в подъезде? – невесело усмехнулся Габриель.

– У тебя есть объяснение получше? А может, ты на меня напал, и хотел убить, я сейчас нахожусь в коме, лежу в больнице в реанимации, а мое подсознание выдает мне такие картинки. Очень реалистичные. Но они не могут быть правдой.

– Ха! Почему же не могут? Ты готова признать за правду любую нелепость, которая приходит тебе в голову, но не видишь единственной правды. Точнее, не хочешь ее признавать. Настя, очнись! Я существую! Ты тоже существуешь! И мы с тобой здесь, а не в больнице.

Настя встрепенулась:

– Докажи! – потребовала она.

– Скажи, как.

– Отправь меня домой, тогда я тебе поверю, – она выпалила это и с замиранием сердца ждала, что он ей ответит.

Он задумался ненадолго. И вдруг, кивнул соглашаясь:

– Хорошо. Только и ты пообещай мне, что сначала выслушаешь.

У Насти загорелись глаза:

– Обещаю! Конечно, обещаю!

Габриель повернул к скале. Насте ничего не оставалось, как пойти за ним.

– Если бы мы тебя сразу нашли, – сетовал он. – То сейчас не было бы всех этих проблем. Я предупреждал Маркуса, – снова произнес он имя неизвестного Насте человека.

Они подошли к скале вплотную. И снова Настя увидела клубящийся туман. На это раз Габриель просто раздвинул его руками, как занавеску. В голове у Насти сразу же возникло воспоминание того, как и она сама когда-то так же проникла в соседнюю с кабинетом беловолосой врачихи комнату. Выходит, там была не занавеска, – запоздало догадалась она. Удивляться не было сил. Она просто последовала за Габриелем в образовавшийся проем и очутилась в зале с колоннами. Никакого коридора не было.

«Странно» – подумала Настя, но и эта мысль не взволновала ее. Она устала от странностей. Теперь ее интересовало только одно: выполнит ли Габриель свое обещание.

– В этом месте сходится множество путей, или, как их еще называют – струн, – сообщил Габриель. – Струны образуют узлы. Именно поэтому амриты создали здесь свою цитадель. Из узла можно попасть практически в любую точку пространства и отсюда легко нащупать другой узел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.